

УДК 316.75

UDC 316.75

**ИДЕОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ
ФЕНОМЕН: СУБЪЕКТИВИСТСКОЕ
РАССМОТРЕНИЕ**

**IDEOLOGY AS A SOCIAL PHENOMENON: A
SUBJECTIVIST CONSIDERATION**

Гринь Максим Валентинович
к.ю.н., доцент
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Grin Maksim Valentinovich
Cand.Leg.Sci., senior lecturer
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

В статье анализируются ряд подходов к идеологии с точки зрения антропоцентристской парадигмы, то есть в которых источник идеологического сознания видится преимущественно в психологической природе человека. Доказывается устойчивость и функциональность идеологии как социального явления

The article deals with a range of approaches to the ideology from the anthropocentric paradigm point of view, where the source of the ideological consciousness is mainly found in psychological nature of a man. Stability and functionality of ideology as a social phenomenon are proved

Ключевые слова: ИДЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЦЕНТРИЗМ, СОЦИОЦЕНТРИЗМ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ, «ТЕОРИЯ НАПРЯЖЕНИЙ», МИФ, АРХЕТИП

Keywords: IDEOLOGY, ANTHROPOCENTRISM, SOCIOCEN TRISM, SOCIAL IDEAL, "TENSION THEORY", MYTH, ARCHETYPE.

Неоднозначность современных процессов в экономике, политике, культуре приводит ряд зарубежных исследователей, которые совсем недавно не сомневались в торжестве демократии, в определенное замешательство. Теперь принято писать не о «конце истории», последующем за самоликвидацией советской системы, но о выхолащивании европейской демократии, считавшейся образцовой [1, с.270]. Возникает вопрос – почему же забуксовал проект Просвещения, идеология которого изначально базировалась на рациональных (разумных) началах? В этом плане уместно обратить внимание на то, что никакая идеология не обходится без иррациональных компонентов, которые следует искать не столько в окружающей действительности, сколько в природе человека.

Фактически с момента своего появления в качестве категории общественознания (конец XVIII в.) идеология испытывала очень неоднозначное к себе отношение. Безусловно, это одно из самых спорных общественных явлений, причем, как в аксиологическом, так и в гносеологическом плане. Уничижительные трактовки идеологии как

«ложного сознания» (К.Маркс), «жалкого мифотворчества» (У.Матц), сменяются рассуждениями о необходимости идеологии, ее жизненно важных для общественного организма функциях (Ю.Волков, А.Кольев). Между тем в нынешнюю эпоху глобализма и усиливающегося культурного плюрализма ставится проблема размывания национальной идентичности (С.Хантингтон), в связи с чем раздаются по большей части справедливые призывы как-то реанимировать институты, явления, которые связаны с понятием национального [9]. И идеология относится к числу подобных явлений, что вполне логично, так как ее появление принято связывать с эпохой национальных государств. В отношении российского общества это тем более актуально, в силу того обстоятельства, что весь постсоветский период так и не появилась единая национальная идеология.

В данной статье мы стремимся представить идеологию в качестве целостного общественного феномена и для этого намерены обратить внимание на часто недооцениваемые ее аспекты. Так, объективистский подход к идеологии (К. Маркс, А. Грамши) справедливо считает идеологию продуктом общественных отношений, прежде всего классовой борьбы. В то же время, подобной трактовке не достает «человеческого измерения», в связи с чем, время от времени она оказывалась фактически опровергнутой социальной практикой (типичный пример, демократический приход к власти НСДАП в 1932г., поставивший в тупик социалистов). Для методологически расширенного понимания идеологии необходимо иметь в виду, не только внешние (собственно социологические) источники, но и внутренние ее предпосылки, психологического и социально-психологического плана. Рассмотрением этих предпосылок мы и займемся далее.

Уже в работах ряда персонологов отмечаются определенные черты человеческой природы, работающие на идеологическое сознание. Следует отметить последователей психоанализа. Уже его основатель З. Фрейд

считал, что идеологии выступают продуктом разума (Эго) и призваны защищать личность. Э.Эриксон предположил, что на определенной стадии личностного развития возникает потребность в идеологии. Последние служат средством приобщения человека к общественной жизни, его органичного туда включения. [8, с.18].

Имеет смысл обратить внимание на взгляды нашего соотечественника Павла Новгородцева, деятельность которого падает на бурный период русской истории – начало XXв. Будучи правоведом П. И. Новгородцев находился под сильным влиянием философии Православия, ставя в центр своей концепции нравственную личность. Фактически любой человек «в своем бесконечном стремлении отражает причастность свою абсолютному закону добра» [6, с.103]. Всеобщность подобных стремлений обусловлена, по мнению названного мыслителя, трансцендентностью идеальных основ человеческой жизни, которым явно приписывается божественная природа. Как пишет ученый, «высшие сверхнародные и абсолютные начала служат руководящей нормой для каждого народа» [5, с.118]. Отталкиваясь от них каждое общество формирует собственную культурную и политическую сферы. В связи с этим П. Новгородцев вводит категорию «общественный идеал», которому придает важнейшие социальные функции.

Суть общественного идеала заключается в стимуляции постоянного совершенствования. Применительно к любой личности идеал будит стремление, которое, по мере практической реализации, затем становится перед новыми целями. Отсюда создаются «ряд усилий и действий, уходящих в бесконечность». В этом искании абсолютного проявляется нравственная природа личности. Также общественный идеал дает толчок макросоциальным процессам, выступая в качестве необходимого фактора динамики социума. Выходит, что идеал стоит считать главным движущим мотивом человеческой и социальной жизни, хотя он и является бесконечным и беспредельным.

П. Новгородцев резко критичен в отношении попыток привести общественный идеал к полной практической реализации, в связи с чем, он не терпит к разного рода социалистическим проектам. По его мнению, абсолютное «совершенство жизни» никак не может быть воплощено в относительных формах социальной действительности. Общественный идеал служит чем-то вроде путеводной звезды, ориентира, стремление к которому улучшает людей и общество в целом. Однако достижение абсолюта никак не возможно в посюстороннем мире, искусственные шаги в этом направлении (утопии «земного рая») неизбежно ведут к насилию над личностью и над общественной жизнью. Создается впечатление, что концепция П. Новгородцева балансируя между кантовским субъективизмом и гегелевским объективным идеализмом склоняется все же ко второму, что видимо во многом предопределено ее методологической близостью к философско-религиозному учению В. Соловьева.

Итальянский социолог В. Парето стоял на сходных во многом позициях, хотя и не может быть заподозрен в «идеализации» человеческой природы, что явно присуще концепции русского мыслителя. Им также делается упор на чувственно-эмоциональной природе социального мировоззрения. По мнению названного ученого, логически вроде бы правильные тезисы той или иной доктрины обычно имеют эмоциональную опору. Чувственный компонент во многом определяет индивидуальное отношение к окружающему миру. Так, нетерпимость К. Маркса к капитализму сделало его основателем научного коммунизма.

Фактически каждому человеку свойственно стремление логического обоснования собственным действиям, пусть даже подобное объяснение будет иметь мало общего с истинными причинами данных поступков. То есть люди прибегают (зачастую неосознанно) к типичной маскировке. Другими словами, имеет место нечто вроде маскировки. Как пишет

В. Парето, «громадное число человеческих действий не есть результат доводов разума. Эти действия чисто инстинктивные, однако человек, который их совершает, испытывает чувство удовлетворения, когда находит, обычно произвольно, их логические причины. Как правило, он не очень-то строго относится к логике таких объяснений, его вполне удовлетворяет видимость рассуждений...» [7, с.255].

В своем стремлении к логическому объяснению большинство людей обращаются к уже наличествующим формам идейных представлений, (например, моральным предписаниям). Даже интеллектуально продвинутые индивиды склонны обобщать «стереотипы своего поведения в виде немногих аксиом», обычно в силу временного дефицита [7, с.259].

В ходе образования мировоззренческих идеологических структур иррациональные факторы играют решающую роль. В.Парето придает основное значение устойчивым во времени и массово распространенным чувствам. Именно последние выступают основой доминирующих идей. В то же время, одни и те же чувства могут принимать различные формы. И действительно, например, ослабление русского христианского сознания происходило по мере усиления социалистического сознания, опирающегося по сути дела на тот же чувственный компонент. Кроме того, В. Парето ставит проблему постоянства характеристик, отражающих ментальность того или иного народа. Именно эти характеристики заставляют основательно трансформироваться ту или иную овладевающую мировоззрением доктрину (например, российский марксизм отличается от марксизма германского). Другими словами, изменения в той или иной социальной теории неизбежны при распространении последней в определенной социальной среде, – здесь обязательно должны заявить о себе национальные черты.

Отводя решающую роль в образовании идеологических форм иррациональным факторам, В.Парето вместе с тем обращает внимание на

определенную специфику их проявления в конкретных социальных слоях. Так, социалистическая идея в среде преуспевающих групп базируется на инстинкте социальности – банальном чувстве сострадания. В низших слоях источниками социализма выступают желание овладеть благами высших слоев, «порой это также зависть, жажда иметь то, что есть у других» [7, с.287]. Тем самым в идейных структурах могут тесно переплетаются как эмоции, так и конкретные социальные интересы.

То есть мы видим, что подходы к идеологии, отправляющиеся от самого человека (антропоцентризм) не могут обойтись без учета объективных общественных явлений. Это и собственно социальные интересы, охватывающие целые большие группы, и уже имеющиеся духовные формы, которые могут происходить не естественным путем – органически вырастать из культурной традиции, но иметь заимствованный характер, как например, марксизм и либерализм в России. В то же время, даже отправляясь от личностных качеств, необходимо иметь ввиду, что личность – весьма сложное социальное явление, в котором отражаются (и находят своеобразное преломление) объективные социальные условия.

К. Гирц отмечает ряд концепций идеологии, которые он обобщенно называет «теорией напряжений» (Ф. Саттон, С. Харрис, Дж. Тобин). Ее базисным тезисом выступает предположение о хроническом разбалансировании общества. Ведь любая общественная система представляет собой конгломерат внешне неразрешимых антиномий (между свободой и политическим порядком, например). В результате «социальное трение» является вездесущим, и неустранимым. Это социальное трение (напряжение), будучи типичной чертой общества, проявляется на уровне отдельной личности, также всегда разбалансированной системы конфликтующих желаний, чувств и т.п., но уже в виде психологического напряжения. «То, что на коллективном уровне предстает как структурное несоответствие, индивидуально переживается как личная незащищенность,

поскольку именно в личном опыте социального действующего лица встречаются и обостряются общественные несовершенства и противоречия личного склада» [2, с. 234]. Но дело в том, что внутренние напряжения имеют систематичный характер, «у вызванных социальным взаимодействием тревог есть собственные форма и упорядоченность». К. Гирц определяет типичное состояние современного человека как «организованное отчаяние». Идеология выступает своеобразным ответом на подобное отчаяние. Это своего рода «символический выход» для эмоциональных нарушений порожденных общественным дисбалансом. А поскольку у «большинства обладателей данной роли или социального положения подобные возмущения, по крайней мере в общем плане, одни и те же, то и идеологические реакции на нарушения будут тяготеть к единообразию, которое будет дополнительно усилено предполагаемой общностью «базовой структуры личности» у представителей конкретной культуры, класса или профессиональной категории» [2, с. 235].

В то же время для самого К. Гирца идеология выступает как система взаимодействующих символов, структура взаимовлияющих смыслов. В ней он видит вариант культурной модели (помимо идеологических моделей для К. Гирца существуют еще религиозные, философские, эстетические, научные), поставляющей шаблоны или чертежи для организации социальных процессов [2, с.247]. Подобное разделение может быть поставлено под сомнение – некоторые авторы склонны приписывать религии идеологические функции (марксисты), другие не проводят жесткого разделения между официальной наукой и идеологией (С. Карамурза, А. Зиновьев). Тем не менее, трактовка идеологии К. Гирца настраивает на поиск культурно-психологических источников идеологии. Этим занимаются преимущественно ученые, отдающие дань научным традициям немецкого романтизма, корни которого уходят в восемнадцатое

столетие, когда абстрактным формулировкам просветителей была противопоставлена конкретика национальной культурной жизни.

Француз Г. Ле Бон говорит о существовании устойчивых социально-психологических феноменов, присущих целым народам, а то и расам. Это есть основной источник, формирующий социокультурный облик народа, нации, расы и определяющий историческую судьбу. Сложившиеся в обществе представления (верования), делятся им на две категории: «представления врожденные, то есть преемственно унаследованными или возникшими под влиянием чувств, и представлениями приобретенными или умственными» [5, с.91]. При этом для французского мыслителя очевиден приоритет первых над вторыми. Врожденные представления это фактически духовная традиция, имеющая устойчивый характер, меняющаяся с трудом, постепенно и в течении долгого времени. Именно эти представления, передаваясь спонтанно из поколения в поколение, составляют базу социального мировоззрения. Что касается логических положений – то это своего рода камуфляж, скрывающий бурные потоки массовых инстинктов. Однако только инстинкты следует принимать в расчет, что иллюстрируется поведением толпы, на которую особенно не действуют какие-либо рациональные аргументы. Отсюда Ле Бон выводит иррациональную природу любых мировоззренческих систем – «Доктрину не разбить указанием ее химерических сторон. Не доводами разума опровергаются мечты» [5, с.28].

Для того чтобы идейное учение успешно распространялось в качестве мировоззрения ему необходимо искать опору в имеющихся массовых глубинных представлениях. Соответственно, особый духовный склад той или иной нации определяет специфическую трактовку категорий, составляющих фундамент политико-идеологических доктрин. Эта трактовка может корректироваться и со временем – под влиянием исторических обстоятельств. Например, понятия «демократии»,

«социализма» обычно вызывают неодинаковые ассоциации у француза, немца, или русского, а по ходу социально-исторической динамики существенно меняются толкования таких терминов как «свобода», «отечество» [4, с.230].

Российский социальный философ А.Н. Кольев отталкивается от положения, что восприятие человеком действительности происходит эмоционально, на базе некоего ощущения, образного символического ряда. Отсюда он убежден в обязательном для идеологии базисе из мифов, органически вырастающих из национальных архетипов. Только в этом случае политическая идейная доктрина может рассчитывать на успех в национальных масштабах. «Если архетип угадан, то соответствующая ему мотивация может стать общезначимой в масштабах всего общества; если угадывание не состоялось, то идеология эмоционально отторгается и рано или поздно находятся аргументы, изобличающие ее в противоречии интересам нации» [3, с. 222]. Собственно идеи только обозначают направление движения общества (или группы), а настоящее движение произойдет лишь тогда, когда эти идеи превратятся в политический миф, выражающий общую волю. По мнению А.Кольева, идеология и есть по сути дела политический миф, состоящий из символов, уложенных в «некую логическую схему, которая ближе к науке, чем к сказке, но все же генетически связана с этой сказкой» [3, с. 218].

Тем самым в своем понимании идеологии А.Кольев в равной степени пытается отдать должное иррациональной и интеллектуальной составляющей. Комплекс национальных мифов выступает образующим элементом идеологии, но и концептуализация в этом случае обязательна. «В основе всякой идеологии лежит концепция, теория, научное или духовно адекватное отражение мира. Концепция без мифа не существует для общества, миф без концепции – сказка, в которую могут поверить только дети, а политически взрослые граждане воспримут как

приукрашенный обман. Если миф не концептуален, тогда его трудно отличить от пустых выдумок или злонамеренной лжи» [3, с. 221].

Если подытожить этот краткий анализ концепций, выискивающих психологические и социально-психологические корни идеологического мировоззрения, то можно остановиться на следующих выводах.

1) Обычно в рамках субъективистских подходов в качестве фактора идеологического сознания указываются элементы личностной структуры, мало поддающихся рациональному объяснению. Как правило, имеется в виду сфера бессознательных жизненных инстинктов («Оно» у Фрейда, «осадок» у Парето), которые обычно маскируются с помощью рациональных теоретических построений. Иррациональные стремления неизбежно оказываются детерминированы социальными обстоятельствами. В силу этого реализация первых (социального инстинкта, например) может приобретать то или иное содержание в различных общественных слоях. То есть, в методологически расширенном варианте феномен идеологии следует рассматривать исходя как из субъективистских, так и объективистских (К. Маркс, К. Мангейм, А. Грамши) трактовок.

2) В отличие от объективистских подходов к феномену идеологии, отправляющиеся «от человека» теории не ставят проблему возможного (и даже желательного) искоренения идеологии. Если истоки идеологии определяются исключительно в сфере общественных отношений (социоцентрические подходы), то подобная задача приобретает смысл. Но, если объявлять склонность к идеологизированию частью человеческой природы, то в этом случае попытки избавиться от идеологии становятся бессмысленными. Это представляется особенно актуальным в сегодняшних условиях экспансии культурного (а не только экономического) глобализма, обычно дискредитирующего национальные явления, в том числе идеологию. Между тем реанимация последней на базе

культурной традиции сыграет на руку сохранению национальной идентичности, что наверняка послужит фактором укрепления национальных позиций в том же глобальном мире.

Список литературы

1. Гринь М.В. «Постдемократия» К. Крауча и кризис Западного демократического проекта // Общество и право, 2014, №3. С. 268-273.
2. Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур – М.: 2004.
3. Кольев А.Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта. – М.,2003.
4. Ле Бон Г. Психология масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М., 2003.
5. Ле Бон Г. Психология социализма. СПб., 1995.
6. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
7. Парето В. Социалистические системы. //Теоретическая социология: Антология в 2-х ч. Т.1.
8. Ровдо В.В., Чернов В.Ю., Казакевич А.Н. Мировые политические идеологии: классика и современность – Минск, 2007.
9. Тамбиянц Ю.Г., Гринь М.В., Кулинченко В.В. Современная общественная динамика: теория и практика. Краснодар, 2014.

References

1. Grin M.V. «Postdemokratija» K. Kraucha i krizis Zapadnogo demokraticeskogo proekta // Obshhestvo i pravo, 2014, №3. S. 268-273.
2. Girc K. Ideologija kak kul'turnaja sistema // Girc K. Interpretacija kul'tur – M.: 2004.
3. Kolev A.N. Politicheskaja mifologija: Realizacija social'nogo opyta. – M.,2003.
4. Le Bon G. Psihologija mass // Psihologija tolpy: social'nye i politicheskie mehanizmy vozdejstvija na massy. M., 2003.
5. Le Bon G. Psihologija socializma. SPb., 1995.
6. Novgorodcev P.I. Ob obshhestvennom ideale. M., 1991.
7. Pareto V. Socialisticheskie sistemy. //Teoreticheskaja sociologija: Antologija v 2-h ch. T.1.
8. Rovdo V.V., Chernov V.Ju., Kazakevich A.N. Mirovye politicheskie ideologii: klassika i sovremennost' – Minsk, 2007.
9. Tambijanc Ju.G., Grin M.V., Kulinenko V.V. Sovremennaja obshhestvennaja dinamika: teorija i praktika. Krasnodar, 2014.